

Ю. С. Худяков^{1,2}, С. А. Комиссаров^{1,2}, А. Б. Коксегенова¹

¹ Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

² Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: khudjakov@mail.ru; sergai@mail.ru

ЛУК, СТРЕЛЫ И СААДАК ИЗ МОГИЛЬНИКА НИЯ (СИНЬЦЗЯН, КНР) *

Анализируются находки лука, стрел и саадака, полученные совместной Китайско-японской археологической экспедицией в ходе раскопок захоронения в окрестностях городища Ния в Синьцзяне (КНР). Охарактеризована конструкция лука, формы стрел и способы их ношения. Высказаны аргументы в пользу датировки исследованного комплекса периодом с конца династии Восточная Хань до династии Ранняя Лян включительно, т. е. III–IV вв. Благодаря исключительно жаркому, засушливому климату в погребальных памятниках древних и средневековых культур на территории современного Синьцзяна хорошо сохраняются различные предметы, изготовленные из органических материалов, в том числе деревянные кибити луков, древки стрел, кожаные и матерчатые части саадаков. В предшествующие годы были изучены находки лучных наборов саков, номадов хуннского времени, турфанских уйгуров и кочевников монгольского периода. Это дало основание для точных реконструкций важного компонента материальной культуры кочевников изучаемого региона. Анализ находок из Нии позволил проследить особенности развития дистанционного оружия и соответствующего воинского снаряжения у жителей Западного края, когда там проходил южный маршрут Великого шелкового пути, а также их взаимодействие с оружейными традициями кочевого мира Центральной Азии в эпоху поздней Древности – раннего Средневековья.

Ключевые слова: лук, стрелы, саадак, погребение, городище и могильник Ния, Синьцзян.

Bring me my bow of burning gold!

Bring me my arrows of desire!

William Blake

Один из наиболее известных археологических памятников Северо-Западного Китая эпохи Средневековья – городище и могильник Ния в уезде Миньфэн, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) Китая на северном берегу р. Ниядарья, в оазисе пустыни Такла-Макан. Общие размеры объекта с востока на запад и с севера на юг 25 на 7 км. Он был открыт в 1901 г. британской экспедицией М. А. Стейна, который также работал там в 1906, 1914, 1931 гг.; исследовался американским географом Э. Хантингтоном в 1905 г. и японским ученым Д. Татибана в 1909 г. (см.: [Лю Вэньсо, 2005. С. 20–24]). С 1959 г. и по настоящее время работы (с перерывами) ведут китайские археологи. В 1988 г. создано японско-китайское научное общество по изучению Нии, которое в 1994–1997 гг. провело наиболее масштабные раскопки. Из-за обилия находок, хорошо сохранившихся под слоем песка, городище получило в прессе названия «Помпеи Шелкового пути» и «Древний город призраков»¹.

* Работа выполнена по договору РЕЛЕРО по проекту «История военного дела народов Южной Сибири и Центральной Азии в Средние века».

¹ Далее описания памятника и находок в основном даются по монографическому изданию материалов совместной экспедиции на китайском языке [Чжун-жи..., 1999].

К настоящему времени найдена оборонительная стена из утрамбованной глины и остатки более 100 строений, в том числе дворец правителя со следами фресок, буддийский монастырь с глиняной пагодой, остатками скульптур и раскрашенных изображений из дерева, а также ступой высотой 6,2 м. Выявлены деревянные конструкции и обрушившиеся балки кровли, украшенные резьбой. Дома состоят из нескольких (от двух до пяти) комнат. Стены между опорами сложены из комьев земли (гуваляков) либо из жердей, либо из сплетенных ветвей и камыша; снаружи оштукатурены; внутри по периметру часто сооружались земляные лежанки. Встречаются пристенные очаги типа каминов. Рядом с домами сохранились загоны для скота, посадки фруктовых деревьев, мастерская по выплавке железа. Ния представляет собой наиболее крупный из открытых к настоящему времени памятников на южном участке Великого шелкового пути [Idris Abdurusul, Anwar Abulkasim, 2011/2012].

В 3 км от городища найдено девять могил, частично ограбленных еще в древности. В качестве погребальных конструкций использовали долбленные колоды, закрытые сверху деревянной крышкой, либо гробы из досок. В могиле № 3 обнаружены мумифицированные останки мужчины и женщины; гроб был обложен ветками ивы и обернут в покрывало с вышитой надписью на китайском языке: «Да будет благословлено бракосочетание княжеской семьи долгими годами жизни и тысячами потомков». Очень хорошо сохранились деревянные изделия, включая резную мебель, пиалы, бокалы, шкатулки, музыкальные инструменты. Многочисленны остатки шелковых и шерстяных тканей, одежды, ковров, кожаной обуви, кожаных панцирных пластин. Металл представлен бронзовыми зеркалами и ханьскими монетами «у-чжу», железными серпами (с деревянными рукоятками); найдена также костяная печать с резными фигурками животных. Пищевые остатки содержат кости коров и овец, зерна пшеницы и овса, косточки абрикосов и персиков. Огромный интерес представляют деревянные таблички с надписями на языках китайском и кхарошти; в их состав входят официальные и хозяйственные документы (включая контракты, долговые расписки, налоговые реестры), личная переписка. Приказы и распоряжения часто сопровождаются глиняными оттисками печатей, в том числе наместника Дуньхуана, управителя (дувэя) Шаньшаня и других чиновников. Памятник в целом отождествляют с главным городом государства Цзинцзюэ (Чадота), о котором сообщает, в частности, китайская летопись «Хань шу», а также найденные на территории городища эпиграфические материалы [Линь Мэйцунь, 1996]. Он был одним из крупных центров на южном маршруте Великого шелкового пути в период II в. до н. э. – IV в. н. э. Благодаря торговым и культурным связям среди находок в Нии сохранилось много импортных предметов, например, индийская шелковая завеса с изображением обнаженной богини, римско-египетские фаянсовые бусины, одежда из Хотана и Кучэ. Особую известность получил нарукавник с вышитой иероглифической надписью: «Пять звезд, взойдя на востоке, благоприятствуют Срединному государству», что является фактически сокращенной цитатой из «Исторических записок» Сыма Цяня (см. [Сыма Цянь, 1986. С. 136]), которая затем воспроизводится в «Хань шу» и «Вэй шу».

Благодаря засушливому, жаркому климату на многих древних и средневековых памятниках Синьцзяна очень хорошо сохраняются различные объекты из органических материалов, которые в других природно-географических условиях обычно полностью истлевают. Уникальная сохранность предметов, изготовленных из дерева, кожи, войлока и т. п. в составе погребальных комплексов разных культур бронзового и раннего железного веков, хунно-сяньбийского, древнетюркского и монгольского времени, обнаруженных китайскими археологами на территории СУАР, представляет большой интерес для исследователей памятников кочевнических культур в других районах Центрально-Азиатского историко-культурного региона, на территории которых, в силу иных природных условий, подобные предметы в своем первоначальном виде не сохранились [Худяков, Комиссаров, 2002. С. 31–32, 51, 57–58, 73–74, 80–81, 97–99, 105–107, 110].

При всем исключительном богатстве синьцзянских находок, начиная с эпохи поздней античности, в их число нечасто попадают образцы оружия, во всяком случае на памятниках автохтонного населения. Невысокий уровень воинственности населения древних оазисов, возможно, объяснялся тем, что функции защиты от внешних и внутренних врагов на «добровольно-принудительной» основе передавались кочевникам, инфильтрация которых в регион носила перманентный характер. Однако эта закономерность имеет одно важное исключение:

луки и стрелы. Они использовались земледельцами и кочевниками-скотоводами, элитой и простоллюдинами для войны и охоты. Относительно дешевый в изготовлении и высокоэффективный в применении этот вид оружия имел наибольшее распространение и поэтому довольно часто встречается в составе археологических материалов.

В предшествующие десятилетия в ходе раскопок погребальных комплексов на территории СУАР китайские археологи неоднократно находили полностью сохранившиеся луки, стрелы и футляры для их хранения и ношения в боевых и походных условиях – налучья, колчаны и саадаки [Ван Бинхуа, 1983. С. 167; Му Шуньин, Ван Миньцзе, 1985. Рис. 181, 182; Чжунго Синьцзян, 1994. Рис. 104–106, 301; Ван Линшань, Ван Бо, 1996. Рис. 116; Лю Гожуй, Ци Сяошань, 1997. Рис. 95, 135]. Находки, хранящиеся в музеях Ганьсу и Синьцзяна, обследованы одним из авторов настоящей статьи во время работы в составе экспедиции ЮНЕСКО «Шелковый путь» в 1990 г. Результаты изучения предметов вооружения дистанционного боя у кочевников Восточного Туркестана частично введены в оборот отечественной науки [Алкин, 2000. С. 17; Восточный Туркестан, 1988. С. 166–173; Худяков, 1994. С. 41; 1995а. С. 11–12; Рис. IV, 1–4; 1995б. С. 84–86; Рис. I, 1–13; II, 1, 2; 1999. С. 153; Рис. 2, 1–5; 2001. С. 472; 2002. С. 413–419; Худяков, Комиссаров, 2002. Рис. XXIII, 1, 2; XXIV, 1–5]. Важным источником для изучения средневековых луков, стрел и колчанов и других видов оружия служат изображения на средневековых фресках Восточного Туркестана [Le Coq, 1925. Fig. 67, 96, 107; Му Шуньин, Ван Миньцзе, 1985. Рис. 273, 300; Чжунго Синьцзян, 1994. Рис. 168; Лю Гожуй, Ци Сяошань, 1997. Рис. 117, 119].

Среди памятников, раскопанных в 1995 г. в окрестностях городища Ния, для детального анализа нами выбрана могила № 8 могильника 95MNI. В составе сопроводительного инвентаря там обнаружены хорошо сохранившиеся лук, стрелы, а также саадак, включающий налучье и колчан [Юй Чжиюн, 1999. С. 32–35; 2000. С. 8, 14–17]. Эти находки представляют большой научный интерес для изучения и реконструкции оружия дистанционного боя и воинского снаряжения не только местного населения, но и всей Центральной Азии и заслуживают целенаправленного оружейведческого исследования².

Захоронение совершено в грунтовой яме овальной формы, внутрь которой помещен гроб (размерами 227 × 97 × 78 см). Могильная яма вдоль южной, западной и северной стен заполнена сухим тростником; около западной стенки находились шесть деревянных палок (длиной 50–60 см); там же над поверхностью перекрытия возвышалась наклонно установленная вешка [Юй Чжиюн, 1999. С. 25]. Само гробовище сооружено из вертикально установленных широких деревянных плах, торцы которых вставлены в пазы четырех угловых столбов, и закрыто крышкой, сшитой из пяти досок, обтянутой сверху ковром и укрытой в несколько слоев пшеничной соломой. Крышка опиралась на поперечную доску с двумя округлыми отверстиями и зауженными концами, похожими на ручки. Дно, немного поднятое над поверхностью, сохранилось плохо. Внутри гроба лежало два мумифицированных тела, мужское с западной (левой) стороны, женское – с восточной (правой). Хорошо сохранилась их одежда из шерстяных и хлопковых тканей (халаты, штаны, шапки и т. д.). Сверху тела были закрыты грубой конопляной тканью, на которой и были размещены в основном предметы сопроводительного инвентаря. Вдоль одной из торцевых сторон, в ногах составлены керамические и деревянные сосуды, среди которых есть два кувшина с раздутым туловом, зауженной горловиной, носиком-сливом и боковой ручкой, а также кружки с боковыми ручками и чаши [Юй Чжиюн, 2000. Рис. 5]. В центре могилы разбросаны бараньи ребра и лопатка, которые относятся к остаткам сопроводительной пищи. Вдоль левой стенки гробовища, над мужским телом лежал саадак, поверх него лук с надетой на оба конца тетивой. Стрелы помещались внутри саадака. Вдоль правой стенки положен предмет, напоминающий рогульку с двумя приостренными концами. Среди находок из этого захоронения имеется деревянный гребень со многими зубцами и полукруглым держателем и чехол, в котором он хранился [Там же. С. 17]. В составе сопроводительного инвентаря был нож с деревянной рукоятью, в деревян-

² Различные виды луков были найдены и в других захоронениях раннесредневекового могильника Ния: в могиле № 1 [Жуань Цюжун, У Юн, Ван Цзунлэй, 1998. С. 27–28], могиле № 3 [Ван Бинхуа, 1999. С. 7–8], могиле № 4 [Люй Эньго, 1998. С. 28–30]. Данные материалы будут исследованы в дальнейших публикациях в рамках проекта.

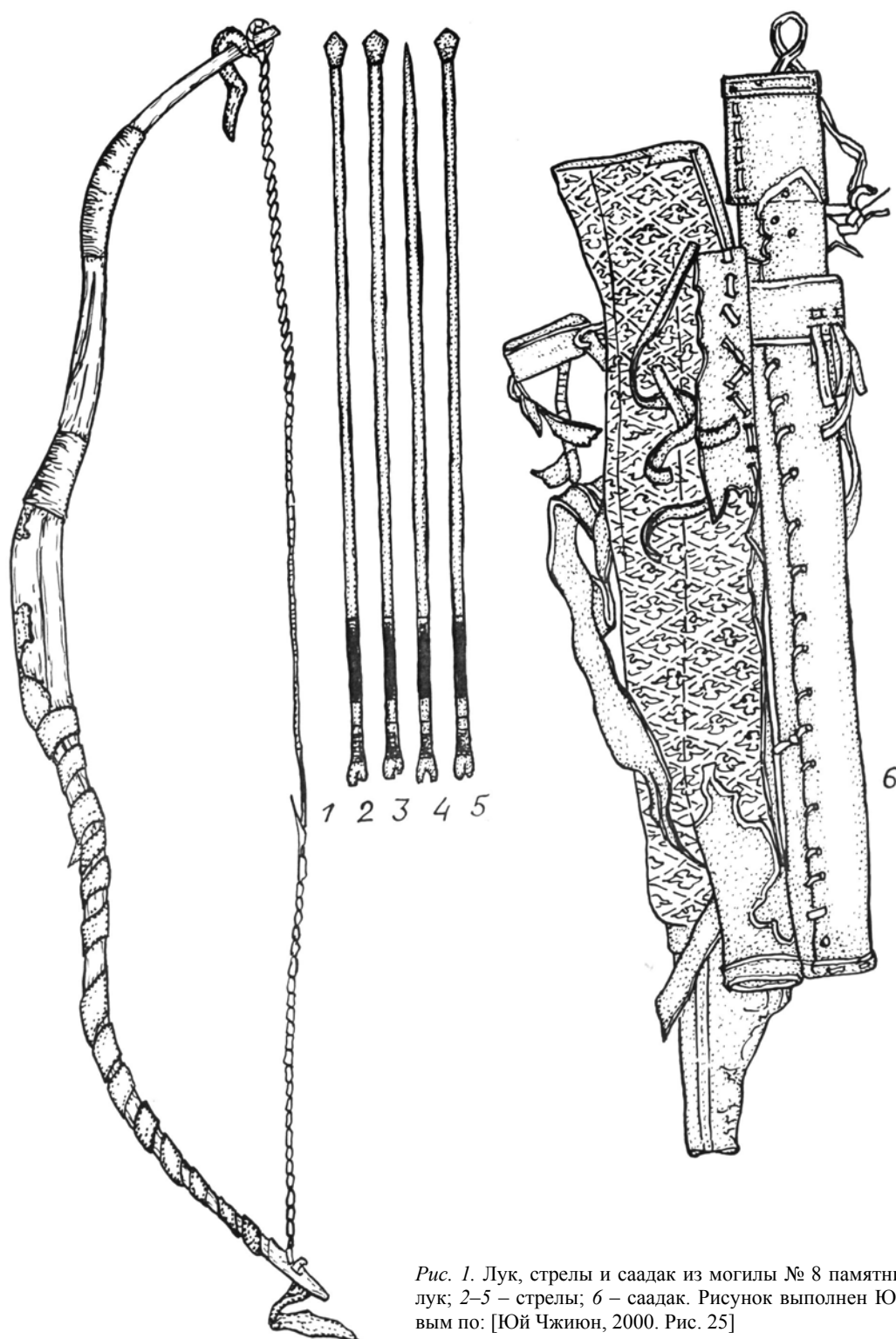

Рис. 1. Лук, стрелы и саadak из могилы № 8 памятника Ния: 1 – лук; 2–5 – стрелы; 6 – саadak. Рисунок выполнен Ю. С. Худяковым по: [Юй Чжиюн, 2000. Рис. 25]

ных и кожаных орнаментированных ножнах, прикрепленных к поясному ремню, а также бронзовое зеркало, бусы и подвески [Юй Чжиюн, 1999. С. 35, 36].

Наибольший интерес в составе комплекса предметов сопроводительного инвентаря из рассматриваемой могилы представляет набор оружия дистанционного боя и воинского

Рис. 2. Нарукавник *шэ гоу* с вытканной надписью «Пять звезд, взойдя на востоке, благоприятствуют Срединному государству». Найден в могиле № 8 памятника Ния. Хранится в Музее Синьцзян-Уйгурского автономного района (Урумчи, КНР)

снаряжения, изучение которых должно помочь определить хронологию и культурную принадлежность данного памятника. Кибить лука (длиной 132 см), из деревянной основы с роговыми накладками, соединение обмотано сухожилиями, сохранилась практически полностью, лишь слегка деформировалась. У лука приостренные концы, на одном из которых имеется овальное отверстие для продевания и закрепления петли тетивы [Юй Чжюнь, 2000. С. 14]. Нижнее плече и конец лука обмотаны по спирали шелковыми разноцветными лентами, на верхнем плече – два участка с цилиндрической оплеткой. Середина кибити обтянута матерчатым покрытием. Тетива скручена из сухожилий животных, в ее центральной части закреплена кожаная полоска длиной 10 см, на ее концах имеются петли и полоски шелка белого и желтого цветов (с надписью тушью на языке кхарошти), являющиеся частью обмотки (рис. 1, 1).

Тетива стягивает концы в положение, обычно именуемое «со снятой тетивой», при котором плечи сложносоставного лука выгнуты в противоположную сторону по отношению к боевому положению кибити. Вероятно, такой факт объясняется тем, что тетива прочно, намертво крепилась к одному из концов. Поэтому, когда ее снимали с противоположного конца и кибить разгибалась в походное положение, петлю снова надевали на свободный конец лука, чтобы в таком виде поместить внутрь налучья.

Вместе с луком найдены четыре стрелы с хорошо сохранившимися древками, общая длина составляет 80–81 см. Наконечники с тупоугольным острием и пологими плечиками окрашены черным цветом, с узкой светлой полоской по линии их наибольшего расширения.

На нижней части древков стрел, при подходе к ушкам, имеются пояски, окрашенные красным и черным цветом. Вероятно, подобные метки наносились для безошибочного распознавания наконечника. Судя по ним, стрелы в саадак помещались наконечниками вниз, внутрь колчана, а оперением вверх. В описании говорится о следах оперения на древках [Юй Чжиюн, 1999. С. 33]. На рисунке только три стрелы увенчаны наконечниками асимметрично-ромбической формы, а древко четвертой стрелы имеет приостренный верхний конец (рис. 1, 2–5) [Юй Чжиюн, 1999. Рис. 12; 2000. С. 16–17]. Вероятно, окрашенные в черный цвет наконечники являются цельнорезными с древками. Подобный прием присущ культурам хунно-сяньбийской эпохи в Саяно-Алтае, где в качестве сопроводительного инвентаря широко применялись вотивные модели оружия дистанционного боя [Худяков, 1986. С. 74, 78, 99]. Для комплексов боевых средств средневековых кочевников Центральной Азии подобные стрелы нехарактерны [Худяков, 1991. С. 12, 36, 54, 75–76, 105–106; Худяков, 1997. С. 9, 31, 45, 64, 82, 108; Бобров, Худяков, 2008. С. 96]. В культурах кочевников Синьцзяна эпохи Средневековья стрелы с деревянными наконечниками также не были распространены [Худяков, 1994. С. 41–44; Худяков, 1995б. С. 84–85].

Обнаруженный в могиле № 8 саадак состоит из двух отделений (рис. 1, б) [Юй Чжиюн, 1999. С. 33; 2000. С. 16–17]. Одно из них – удлиненно-цилиндрической формы со съемной крышкой, которая крепится на кожаном ремешке, – предназначено для хранения и ношения стрел. Оно имеет вертикальный шов, прошитый шнуром, и по своим размерам несколько превышает длину стрел, которые помещались внутрь кожаного чехла, длина которого около 1 м [Юй Чжиюн, 1999. С. 33].

Второе отделение матерчатое, украшенное вышитым орнаментом, представляло собой чехол для лука. Его нижняя часть изготовлена из выделанной кожи. Длина всего налучья составляет 104 см. В эту емкость лук помещался в походном положении. Судя по рисункам, общая длина лука со снятой тетивой несколько превышала размеры налучья. Саадак снабжен портупейными ремнями, с помощью которых лучник носил его одетым через плечо. Общая длина ремня, на одной стороне которого прикреплен железный крючок, составляет 180 см. Китайским исследователем Юй Чжиюном [Там же] нижняя кожаная часть саадака определена в качестве второго, не полностью сохранившегося колчана.

По своим конструктивным особенностям саадак из могилы № 8 имеет определенные сходные черты с футлярами для ношения луков и стрел, изображенными у воинов на поясных пластинах из Орлатского могильника, которые относятся к куанчинской культуре гунно-сарматского времени в Средней Азии [Никоноров, Худяков, 1999]. Он заметно отличается от колчанов с карманом, характерных для памятников турфанских уйгуров [Худяков, 1995б. Рис. 1, 3, 4].

К лучному набору можно отнести и упомянутый выше нарукавник со «звездной» надписью (рис. 2). Одной из его функций была защита руки от удара тетивой при стрельбе. Размеры этой детали снаряжения 18,5 × 12,5 см, подкладка из некрашеного шелка покрыта плотной хлопчатобумажной тканью, которая обшита шелковой каймой по контуру. По три парные завязки с каждой стороны, также из шелка, обеспечивали плотную фиксацию; их сохранившаяся длина до 21 см [Юй Чжиюн, 2000. С. 28]. Об использовании подобных нарукавников говорится в «Хань шу»; в качестве особого термина *шэ гоу* (нарукавник для стрельбы) он описан в словаре «Шо вэнь» (см.: [Там же. С. 38, 39–40, примеч. 23]). В более поздних текстах (например, у Юань Чжэня) встречается в значении «нарукавник с рукавицей», которые использовались для соколиной охоты (см.: [Гудай ханьюй..., 2002. С. 478]) – любимой забавы кочевой знати.

Китайские специалисты датируют могилу № 8 периодом, относящимся ко времени от конца правления династии Восточная Хань (25–220 гг.) до правления династий Вэй (220–266 гг.), Западная Цзинь (265–316 гг.) и Ранняя Лян (313–376 гг.) включительно. В число наиболее значимых признаков они включают иероглифические надписи на шелковых лентах и другие изделия из шелка, схожие с находками в Лоулань³ [Юй Чжиюн, 1999. С. 44].

³ Другой памятник, материалы которого близки находкам в Нии, – могильник Инпань – также датируется периодом III–IV вв. (см.: [Комиссаров, Полосмак, 2005. С. 217].

На найденных там деревянных табличках указаны точные даты – девизы правления императоров династии Западная Цзинь и Ранняя Лян, соответствующие 266, 268, 269, 330 гг.; в 399 г. буддийский паломник Фа Сянь, проезжавший через этот район, отмечал его полное запустение (см.: [Му Шуньин, Лян Юэ, 2005. С. 73–74]). Скорее всего, изменения в экологии привели к тому, что с конца III в. начался упадок Нии, а с середины IV в. – Лоуланя (Крорайны) [Крюков, Малявин, Софронов, 1979. С. 98]. Аналогии из центрально-азиатских культур хунно-сяньбийской эпохи подтверждают эту датировку [Худяков, 2006. С. 74, 77, 124–125]⁴. Находки из могилы № 8 на памятнике Ния имеют важное значение для характеристики оружия дистанционного боя населения Синьцзяна от конца эпохи Древности и до начальных этапов эпохи Средневековья.

Список литературы

Алкин С. В. К вопросу о выделении древностей гунно-сарматского времени в Северном При Тяньшанье (Восточный Туркестан) // Древность: историческое знание и специфика источника: Материалы конф., посвящ. памяти Э. А. Грантовского. М.: Когелет, 2000. С. 15–19.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб., 2008. 776 с.

Восточный Туркестан в древности и раннем Средневековье: Очерк истории / Под ред. С. Л. Тихвинского, Б. А. Литвинского. М.: ГРВЛ, 1988. 456 с.

Комиссаров С. А., Полосьмак Н. В. Новые находки на Шелковом пути // Восток – Запад: Историко-литературный альманах: 2003–2004. К 85-летию С. Л. Тихвинского. М.: Вост. лит., 2005. С. 204–220.

Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге Средних веков. М.: ГРВЛ, 1979. 327 с.

Никоноров В. П., Худяков Ю. С. Изображения воинов из Орлатского могильника // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций / Новосибир. гос. ун-т. Новосибирск, 1999. Вып. 2: Горизонты Евразии. С. 141–154.

Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи») / Пер. с кит., вступ. ст., коммент. и прилож. Р. В. Вяткина. М.: ГРВЛ, 1986. Т. 4. 453 с.

Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.

Худяков Ю. С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого Средневековья. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.

Худяков Ю. С. Предметы вооружения и сбруи монгольского времени из музеев Восточного Туркестана // Altaica. 1994. № 4. С. 41–44.

Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Восточного Туркестана в бронзовом и раннем железном веках // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995а. С. 5–25.

Худяков Ю. С. Вооружение турфанских уйгуров // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995б. С. 83–94.

Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого Средневековья. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. 160 с.

Худяков Ю. С. Материалы хуннского времени в музеях Восточного Туркестана // Древности Алтая: Изв. лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайск. гос. ун-та, 1999. № 4. С. 152–159.

Худяков Ю. С. Материалы культур древних и средневековых кочевников в музее г. Курля // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий:

⁴ В целом, этой дате соответствуют и данные радиоуглеродного анализа образцов, полученных на городище Ния [Чжун-жи..., 1999. С. 329–332]. Образец тростникового заполнения непосредственно из могилы № 8 (XZ-335) датируется 1745 ± 60 л. н. [Юй Чжиюн, 1999. С. 44]. См. также: [Лю Вэньсо, 2002].

Материалы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН, декабрь 2001 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. Т. 7. С. 471–475.

Худяков Ю. С. Археологические коллекции в музеях Северного Китая (по материалам экспедиции ЮНЕСКО «Шелковый путь») // Зап. Вост. отд-ния Рос. археол. об-ва (ЗВОРАО). СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. Нов. серия. Т. 1 (26). С. 401–421.

Худяков Ю. С. Археология Южной Сибири хунно-сяньбийской эпохи: Учеб. пособие / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2006. 130 с.

Худяков Ю. С., Комиссаров С. А. Кочевая цивилизация Восточного Туркестана: Учеб. пособие / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2002. 156 с.

Idiris Abdurusul, Anwar Abulkasim. The Niya Ruins Today // International Dunhuang Project News. 2011/2012. Is. 39. URL: http://idp.bl.uk/archives/news_current/news_current.a4d#2 (дата обращения 15.12.2012).

Le Coq A. von. Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittel-Asiens. Berlin: D. Reimer, 1925. 107 S.

Ван Бинхуа. Улумуци Яньху Юань му // Синьцзян каогу сань шинянь [王炳华. 乌鲁木齐盐湖元墓//新疆考古三十年. 乌鲁木齐: 新疆人民出版社, 1983]. Могила династии Юань в Яньху близ г. Урумчи // 30 лет археологии Синьцзяна. Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 1983. С. 165–169.

Ван Бинхуа. Ния 95 и хао муди 3 хао му фацзюэ баогао [王炳华. 尼雅 95 一号墓地 3 号墓发掘报告//新疆文物. 1998. 第 2 期]. Отчет о раскопках могилы № 3 могильника Ния 95-№ 1 // Синьцзян вэньбу. 1999. № 2. С. 1–26.

Ван Линшань, Ван Бо. Чжунго Аэргтайшань цаоюань вэньбу [王林山、王博. 中国阿尔泰山草原文物. 乌鲁木齐; 深圳: 新疆美术摄影出版社, 1996]. Памятники материальной культуры в горных степях Алтая, Китай. Урумчи; Шэньчжэнь: Синьцзян мэйшу шэин чубаньшэ. 1996. 96 с.

Гудай ханьюй цыдянь (дацзы бэнь) [古代汉语词典 (大字本) /陈复华主编. 北京: 商务印书馆, 2002]. Словарь древнего китайского языка (большими иероглифами) / Гл. ред. Чэнь Фухуа. Пекин: Шаньгу иньшугуань, 2002. 2087 с.

Жуань Цюжун, У Юн, Ван Цзунлэй. 95 нянь Миньфэн Ния ичжи I хао муди чуаньгуань му фацзюэ цзяньбао [阮秋荣、吴勇、王宗磊. 95 年民丰尼雅遗址 I 号墓地船棺墓发掘简报//新疆文物. 1998. 第 2 期]. Краткий отчет о раскопках могил с гробами в форме лодок на кладбище № 1 памятника Ния (уезд Миньфэн) в 95 г. // Синьцзян вэньбу. 1998. № 2. С. 21–34.

Линь Мэйцунь. Ханьдай Цзинцзюэго юй Ния ичжи [林梅村. 汉代静绝国与尼雅遗址//文物. 1996. 第 12 期]. Государство Цзинцзюэ эпохи Хань и памятник Ния // Вэньбу. 1996. № 12. С. 53–59.

Лю Вэньсо. Лунь Ния ичжидэ шидай [刘文锁. 论尼雅遗址的时代//吐鲁番学研究. 2002. 第 2 期]. О хронологии памятника Ния // Тулуфаньсюэ яньцзю. 2002. № 2. С. 60–69.

Лю Вэньсо. Ния: цзинчжидэ цзяюань хэ шицзянь [刘文锁. 尼雅: 静止的家园和时间. 北京: 外文出版社, 2005]. Ния: пространство и время в состоянии покоя. Пекин: Вайвэнь чубаньшэ, 2005. 160 с.

Лю Гожуй, Ци Сяошань. Хами гудай вэньмин [刘国瑞、祁小山. 哈密古代文明. 乌鲁木齐; 广州: 新疆美术摄影出版社, 1997]. Древняя цивилизация Хами. Урумчи; Гуанчжоу: Синьцзян мэйшу шэин чубаньшэ, 1997. 87 с.

Люй Эньго. Ния 95 муди 4 хао му фацзюэ цзяньбао [吕恩国. 尼雅 95 墓地 4 号墓发掘简报//新疆文物. 1999. 第 2 期]. Краткий отчет о раскопках могилы № 4 могильника Ния 95 // Синьцзян вэньбу. 1999. № 2. С. 27–32.

Му Шуньин, Ван Миньцзе. Синьцзян гудай миньцзу вэньбу [穆舜英、王明哲. 新疆古代民族文物. 北京: 文物出版社, 1985]. Материальная культура древних народов Синьцзяна. Пекин: Вэньбу чубаньшэ, 1985. 22 с. + 347 ил.

Му Шуньин, Лян Юэ. Лоулань: цянньяньдэ чуаньци хэ цянньяньдэ ми [穆舜英、梁越. 楼兰: 千年的传奇和千年的谜. 北京: 外文出版社, 2005]. Лоулань: тысячелетняя легенда и тысячелетняя тайна. Пекин: Вайвэнь чубаньшэ, 2005. 160 с.

Чжунго Синьцзян гудай ишу [中国新疆古代艺术/穆舜英主编。乌鲁木齐：新疆美术摄影出版社，1994]。Древнее искусство Синьцзяна, Китай / Гл. ред. Му Шуньин. Урумчи: Синьцзян мэйшу шэин чубаньшэ, 1994. 251 с.

Чжун-жи / жи-чжун гунтун Ния ицзи сюэшун дяоча баогаошу [中日/日中共同尼雅遗迹学术调查报告书。乌鲁木齐；东京：中日/日中共同尼雅遗迹学术考查队，1999。第二卷]。Отчет о совместном китайско-японском / японско-китайском научном исследовании памятника Ния. Урумчи; Токио: Чжун-жи / жи-чжун гунтун Ния ицзи сюэшун дяочадуй, 1999. Т. 2. XXII, 256 с.

Юй Чжунюан. Ния ичжи 95MN I хао муди 8 хао му фацзюэ цзяньбао [于志勇。尼雅遗址 95MN I 号墓地 8 号墓发掘简报//新疆文物。1999。第 1 期]。Краткий отчет о раскопках могилы № 8 кладбища 95MN I памятника Ния // Синьцзян вэньбу. 1999. № 1. С. 25–47.

Юй Чжунюан. Синьцзян Миньфэнсянь Ния ичжи 95MN I хао муди M8 фацзюэ цзяньбао [于志勇。新疆民丰县尼雅遗址 95MN I 号墓地 M8 发掘简报//文物。2000。第 1 期]。Краткий отчет о раскопках могилы № 8 кладбища 95MN I памятника Ния, уезд Миньфэн, Синьцзян // Вэньбу. 2000. № 1. С. 4–40.

Дата поступления в редколлегию 19.12.2012

Yuliy S. Khudyakov, Sergei A. Komissarov, Alinur B. Koksegenova

**BOW, ARROWS AND SAADAK (CASE)
FROM NIYA BURIAL GROUND AT XINJIANG (CHINA)**

The article is dedicated to the analysis of bow, arrows and quiver found by the Sino-Japanese joint archaeological expedition during the excavations at the Early Medieval fortified settlement and burial ground of Niya, Xinjiang (China). The characteristics of bow construction, shapes of arrows and the way of their carrying are given. The whole complex was reasonably dated within the period from the end of East Han up to the Early Liang dynasties, i. e. III–IV centuries AD. Because of climate of exceptional hotness and dryness, the objects made from organic materials found at the ancient and medieval cultural sites of Xinjiang are preserved in very good condition (including wooden parts of bows and shafts of arrows, leather and fabric parts of quivers etc.). In the previous years specialists have been investigating the bow sets of Saks, Huns, Uyghurs of Turpan and nomads of Mongolian epoch. All these finds gave the reasons to reconstruct precisely very important component in material culture of these nomadic peoples. Analysis of the finds from Niya also make it possible to retrace special features in the development of this kind of distance weapon and warrior's equipment among the population of Western Region (Xiyu) that lived along the South route of the Silk Road as well as their interaction with armament traditions of the nomadic world of Central Asia at the turn of Ancient times to Medieval Epoch.

Keywords: bow, arrows, saadak (quiver, case for arrows and bow), fortified settlement and burial ground of Niya, Xinjiang.